

КУЛЬТУРА

Ольга Бородина: «Нормальная женщина любит красивых сильных мужчин»

Одно из самых красивых меццо-сопрано современности предпочитает постановки без извращений

Петр Долгоруков
Санкт-Петербург

Ольга Бородина – певица поколения 80-х. В Мариинском театре она появилась еще при Темирканове, но заблестала при Гергиеве, который дал ей этот шанс. Совсем недавно она предстала перед мариинским слушателем в первой премьеры сезона – опере «Самсон и Далила». Женщина сдержанная, но имеющая внутренний огонь, трезвомыслящая, но постоянно ищущая обновления, мать троих детей, Бородина имеет репутацию одного из главных меццо сегодняшней оперы. Появления Бородиной в Мариинском становятся все более редкими, отчего, безусловно, и более ценными.

В Петербурге вы уже больше месяца. Это связано с подготовкой к премьере в Мариинском «Самсона и Далилы»?

– Не совсем так. Я не была бы сейчас так долго в Петербурге, если бы не отказ от контракта – впервые в моей биографии. В «Ковент-Гардене» я сначала исполнила Марину Мнишек в возобновлении «Бориса Годунова» Тарковского, а потом сразу должна была петь Амнерис в новой постановке «Аиды» режиссера Роберта Уилсона под управлением Антонио Папано. Однако после того как я увидела видеозапись, сделанную в Брюсселе (это был перенос отсюда), то поняла, что не смогу принять участие в таком спектакле, не смогу стать манекеном, которым будут управлять. Два года назад в Милане я получила золотую медаль за лучшее исполнение партии Амнерис – награду, учрежденную Вердиевским банком, в котором композитор когда-то держал свой счет. И вдруг я попадаю в условия, когда не смогу высказать то, что имею. Я извинилась, сказав, что не стану участвовать в постановке. Ко-

нечно, был небольшой скандал. Для меня прошел тот период, когда деньги были важны, когда вообще все мы, русские оперные певцы, в них нуждались. После Петербурга у меня Далила в Чикаго. Оттуда – сразу в Нью-Йорк.

– А какова на сегодняшний день картина вашего репертуара?

– Одно из главных событий связано с тем, что в начале следующего года я собираюсь петь главную партию в «Итальянке в Алжире» с Джеймсом Ливайном в «Метрополитен». Изабелла – такая ядерная тетка, очень сильная и в то же время смешная. Партию предлагали давно, а сейчас, хотя я не могу с уверенно-

– Много. Но в случае с «Ковент-Гарденом» я не знала, когда подписывала контракт, кто будет режиссером. Вообще-то мой менеджер в курсе того, что я не поддаюсь на современные замысловатые провокации, поскольку я – человек консервативный и предпочитаю классические постановки без голых членов и извращений на сцене, чем так увлекаются в последнее время на Западе. Многие певцы соглашаются на подобные варианты исключительно ради денег.

– Партию Далилы вы, наверное, знаете вдоль и поперек. Новый режиссер сможет открыть для вас что-нибудь новое в этом образе?

Как только певица вешает на себя лейбл «примадонна», она начинает деградировать

тью сказать, что это будет лучшей роль, пришло время пробовать комическое.

– Вы собираетесь сменить амплу?

– Дело в том, что я и начинала свою карьеру как россиниевская певица. Крепкий репертуар петь все время, в общем-то, вредно, потому что на связки оказывается большая нагрузка, а они, как и остальные мышцы, имеют свойство стареть, поэтому нужно периодически их массировать – переходить на более легкий репертуар на какое-то время или хотя бы включать периодически Россини. В остальном пою прежний репертуар: Эболи, Амнерис, Кармен в «МЕТ», Бастили, «Ковент-Гардене», «Ла Скала», в Чикаго, Сан-Франциско, Вашингтоне, Женеве и Цюрихе. Мне очень нравится цюрихский театр, он хоть и маленький, но с гениальной акустикой.

– А предложений о сотрудничестве много поступает?

– Конечно, мне всегда бывает очень интересно, что говорит режиссер. Шарль Рубо, поставивший в Мариинском «Самсона и Далилу», спорил со мной, доказывая, что Далила не любила Самсона. Конечно, этот факт не выяснен, но я считаю, что мужчина-режиссер склонен ошибаться. Любая нормальная женщина любит сильных красивых мужчин. Женская сила Далилы не действовала бы без любви, одно притворство не могло бы повлиять так глубоко на мужчину.

– А как могут сосуществовать женщина-лидер и, к примеру, мужчина-муж, который совсем не лидер?

– Это сложно для обоих. Сейчас некоторые мужчины, к сожалению, вообще не хотят ничего делать, желая быть при женщи-не. То есть женщина должна делать все, а они – сидеть дома, стирать, гладить, встречать своих ненаглядных репликой: «Ой, моя дорогая, ты уже пришла! А

Ольга Бородина неподражаема на сцене, но дома чувствует себя комфортнее.

Фото ИТАР-ТАСС

у меня все готово!» Женщина стала сильнее. Но опять-таки все это – на гормональном уровне. В связи с тем, что экология сейчас чудовищная и мужские гормоны подавляются больше, тогда как женский организм все-таки обновляется каждый месяц.

– Не так давно смотрел антрепризный спектакль «Примадонна» с Татьяной Васильевой. Там Мария Каллас на излете карьеры проводит мастер-класс, а в паузах пускается в беззащитную сублимацию. Неужели оперная примадонна должна отличаться цинизмом и желчностью?

– Я вообще очень не люблю слова «примадонна». Когда певица приклеивает к себе этот лейбл, она автоматически начинает деградировать.

– Ваши русские и европейские партнеры многим отличаются в плане артистизма?

– К сожалению, даже в Мариинском театре происходит расхолаживание. До сих пор у нас певец может прийти на репетицию, не выучив партии, не имея «настроения», что категорически невозможно на Западе, где каждый знает, что подписал контракт, при невыполнении условий которого либо будет выгнан и заплатит неустойку, либо его заставят отработать, но в следующий раз не пригласят. Конкуренция, конечно, очень стимулирует. Там все по-другому относится к своей работе, каждый знает наперед, что будет петь и где, имеет время подготовиться. Здесь же никто ничего не знает, да и времени нет, поскольку все мотается по гастролем. А суматоха и спешка ни к чему хорошему не приводят. Вообще Мариинскому театру нужно хорошенько задуматься о возвращении медленно утрачиваемых традиций. Раньше приходили в театр как на праздник. В «Евгении Онегине» был эталонный состав: Охотников, Новикова, Марусин, Лейферкус, Дядькова... Такой Татьяна, ка-

кая была у Новиковой – с этой невинностью и невероятным голосом, – я не слышала больше никогда в жизни. Сейчас в театре это поют девчонки и мальчишки.

– А за пределами сцены у вас все так же ярко?

– Дома у меня, конечно, все ярко, потому что три сына – из которых младшему, Вове, десять месяцев – дают прикурить. Дом приходится тащить на себе, поскольку у меня нет постоянной домработницы, которая бы каждый день готовила, мыла и убирала. Приходится многое делать самой. А нужно и за продуктами сходить, и накормить. В этом есть своя прелесть, когда малыш смотрит на тебя с любовью, прижимается, говорит «мама» – за это можно многое отдать.

– А кроме впечатлений от творчества, от семейной жизни, где еще вы получаете положительные эмоции?

– У меня много друзей, хоть и говорится, что настоящих друзей не может быть много. На самом деле я в этом плане человек богатый, и друзей много еще со школы – самых разных профессий. Иногда с большим удовольствием я провожу с ними время.

– Кроме Петербурга у вас еще два дома: в Америке и Лондоне?

– Дом у меня один – только в Петербурге. Второго дома у меня нет. Наличие квартиры еще не значит, что это дом. На Западе я подолгу задерживалась только тогда, когда рожала. Западной медицине я больше доверяю, испытыв однажды в России все это «счастье» и решив, что больше таких экспериментов над собой проводить не буду. После такого кошмара я даже зареклась иметь детей. Правда, как оказалось, зарекаться нельзя.

– А где все-таки позитив?

– Духовный момент я нахожу в семье. На Западе люди все равно другие, с другим менталитетом. Редко можно встретить человека, близкого тебе.